

А.М. Пятигорский

**Материалы по истории индийской
философии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

A11 **А.М. Пятигорский**
Материалы по истории индийской философии / А.М. Пятигорский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 252 с.

ISBN 978-5-458-23280-7

Эта работа написана для того, чтобы познакомить людей, интересующихся историей философии (особенно материалистической), историей религии и вообще историей культуры, с образцами средневековой философской и религиозной тамильской литературы и вместе с тем, чтобы ввести в обиход советской востоковедной и индологической науки хотя бы небольшую часть богатейшего литературного наследия южноиндийского средневековья. Философская литература представлена в книге прежде всего текстами из трактатов Сива-Ньяна-бодам и Шива-Ньяна-сидд-хийяр, содержащими, систематическое изложение основ древнеиндийского материалистического учения локайяты, и отчасти Шива-пураной. Этическая литература представлена переводом первой части Наладийяра. Значительное место отведено тамильской литературе бхакти, абсолютно самобытной и исключительно интересной для истории религии.

ISBN 978-5-458-23280-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ляется древнеиндийской теории познания и материалистическим учениям *адживака* и *бхутавада*.

Третья глава по своему характеру стоит несколько особняком; в вводной ее части предлагается новая методика описания и анализа содержания специфических и нарративных культовых источников, которая применяется к отдельным образцам тамильской и санскритской религиозной литературы. Эта вводная часть служит как бы теоретическим введением к последующим параграфам главы, где дано систематическое (но не строго историческое вследствие несовпадения последовательности, в которой источники систематизировались позднейшими местными комментаторами, с их реальной хронологической последовательностью) изложение сведений о литературе тамильского *бхакти* (особенно *шайва-бхакти*). Там же дается и анализ ряда текстов с точки зрения упрощенной структуры культового содержания литературных источников, предложенной в вводной части.

В четвертой главе дается краткое описание тамильской пуранической литературы и рассматривается отношение гимнов и пуран с точки зрения преобразования культовой информации гимнов в пуранах. При этом совершается небольшой экскурс в область этнографии и сравнительной истории религий. В третьей и четвертой главах вкратце излагаются легенды о жизни шиваитских поэтов.

Пятая и шестая главы содержат подробное изложение материалистического учения *локайяты*, как оно было донесено до нас тамильскими религиозно-философскими источниками, а также ряд сведений о самих этих источниках.

К каждой главе даются в виде приложений переводы тамильских текстов. Кроме того, в пятой и шестой главах тексты даны не только в приложениях, но и внутри глав⁴.

Сведения, содержащиеся в книге, зачастую не затрагивают социальной истории, с которой могли бы связываться философские и религиозные идеи рассматриваемых источников. Причина этого — в чрезвычайно неточной (до нескольких столетий) датировке большинства произведений и в исключительной стойкости литературной и религиозной традиций, обусловившей сохранение и воспроизведение этих идей на протяжении чуть ли не тысячелетий. Стойкость традиций в свою очередь связана с

⁴ Нумерация сносок внутри глав дается в пределах этих глав. Сноски внутри глав помещаются внизу страницы. В приложениях к главам примечания следуют за текстом каждого автора. В примечаниях к переводам тамильские слова даются без указания на язык, санскритские — с пометкой *скр.* Санскритская транслитерация — общепринятая, употребляющаяся, в частности, в недавно вышедшей книге: В. В. Иванов, В. Н. Топоров, *Санскрит*, М., 1960. Для тамильской транслитерации используется система, принятая в словаре *Tamil lexicon*, vol. I, Madras, 1924—1925.

Буквальные и первоначальные значения слов ставятся в кавычках.

Социальными закономерностями и явлениями, свойственными не только югу, но и всей Индии. Однако этот вопрос выходит за рамки данной работы. Поэтому главы содержат, с одной стороны, ряд общих замечаний о характере и содержании источников, а с другой стороны, описания конкретных источников и замечания по поводу их традиционного систематизирования.

Работа по переводу и анализу древних и средневековых текстов, по их истолкованию и отбору никогда бы не смогла быть проделана мною без огромной помощи моего учителя тамильского языка и тамильской литературы г-на Пурнам Сома Сундарама. Г-н Сома Сундарам — тамильский литератор, автор книги «История тамильской литературы», вышедшей на хинди в 1954 г. Полученное им еще в детстве великолепное классическое индийское образование, приобретенная впоследствии исключительная литературная эрудиция, большой критический талант, глубина и свобода ума — все это дало ему возможность без затруднения находить нужные варианты перевода и разбираться в тонкостях содержания. Основательное знание им санскритской литературы позволяло найти решение загадки перевода специальных религиозных и философских терминов там, где было невозможно перевести их, исходя только из тамильского текста. Те знания, которые я получил в результате личного общения с ним, было бы совершенно невозможно приобрести при чтении самой квалифицированной учебной и научной литературы.

Большую помощь в общих вопросах индологии и истории философии и религии мне оказал покойный Юрий Николаевич Рерих. Сердечно благодарю Владимира Николаевича Топорова и Павла Александровича Гринцера за весьма ценные советы и замечания по отдельным частям работы, а также Е. С. Семека и Л. А. Седова за помощь в стилистической обработке стихотворных переводов.

Я глубоко признателен Людмиле Александровне Мерварт, которая неизменно, в течение многих лет поддерживает меня в моих тамилистических и индологических занятиях.

ГЛАВА I

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ФИЛОСОФСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ ИДЕЯХ В ДРЕВНЕЙ ТАМИЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

0.1. До последнего времени для большинства людей, занимающихся изучением культуры Востока, термин «древняя индийская литература» был едва ли не тождествен термину «санскритская литература». В то же время для них термин «древняя индийская философия» был всегда теснейше связан с ведами, упанишадами, санскритским эпосом¹, шастрами и с произведениями палийского и джайнского канонов², так же как и с сутрами и комментариями, относящимися к шести традиционным системам индийской философии³. Однако уже в начале I тысячелетия н. э. на юге Декана, между рекой Пенер и мысом Коморин, существовала страна тамилов со своей необычайно богатой культурой, исключительно самобытной поэзией и философией, во многом отличной от философии севера.

Некоторые элементы северной культуры, проникшей на юг, долгое время оставались здесь неизменными, в той форме, в какой они существовали за много веков до того на севере; другие элементы изменились исключительно сильно и позднее вернулись на север почти неузнаваемыми, в то время как трети

¹ Санскритский эпос включал в себя две огромные поэмы — *Махабхарату*, повествующую о великой войне двух древнеиндийских кланов — Кауравов и Пандавов, и *Рамаяну*, где рассказывается о жизни и подвигах героя и полубога Рамы. Эпос создавался, по-видимому, около середины I тысячелетия до н. э.

² Палийский (или Южный) канон объединяет основные произведения раннего буддизма, составляющие так называемую *тривитаку* («три корзины мудрости»). Он был записан в конце I тысячелетия до н. э. на среднеиндийском языке пали. Джайнским каноном называется свод основных положений джайнской философии и религии, составленный во второй половине I тысячелетия до н. э. на пракритах и санскрите.

³ Шестью традиционными системами индийской философии являются: *веданта*, *миманса*, *санкхья*, *ньяя*, *йога* и *вайшешика*.

из элементов северной культуры вовсе не были восприняты югом. Но те, которые были восприняты и существовали бок о бок с местными, исконно дравидийскими элементами культуры, скорее содействовали развитию последних, нежели их подавлению.

0.2. Когда мы говорим о древности тамильской литературы, то в слово «древность» вкладываем совсем иное содержание, нежели тогда, когда речь идет осанскритской литературе. Необъятная литература на классическом санскрите, очень стойкая стилистически, предоставляет возможность при ее литературоведческом и лингвистическом анализе последовательно перейти к литературе упанишад, эпоса и наконец к произведениям ведического комплекса и *Риг-веде*, как самому древнему из них.

При этом анализе мы не только переходим в более широкую лингвистическую область древнеиндийского языка, но, и это самое главное, можем идти от литературы как продукта осознанной социальной, эстетической и психологической деятельности к произведениям, которые лишь условно и для определенных целей исследования могут быть названы литературой, которые были осознаны как литература лишь в позднейший, классический период.

Идя от *Риг-веды*, как самого раннего из таких произведений, мы, рассматривая отдельные образы, ситуации и термины, переходим в индоирянскую и наконец в индоевропейскую культурную общность, по существу не выходя за пределы исследования текстов. (Здесь не играет роли то обстоятельство, что в основе этих переходов лежат чисто лингвистические данные.) Таким образом, санскритская литература приобретает временную глубину и широчайший пространственный выход. Сами тексты дают возможность выявить социальную, культурную и религиозную предысторию древнеиндийской литературы.

0.3. Иное дело — древность тамильской литературы. Примерная датировка ее начального периода, в общем совпадающая с новейшими лингвистическими данными, ведет нас к первым трем векам новой эры. Это литература антологий и поэм, а также грамматических произведений и последующая дидактическая литература, литература эпических поэм и раннего тамильского *бхакти*. Внутри этого широкого круга произведений установлены некоторые языковые различия, носящие в основном стилистический характер и нисколько не выводящие нас за пределы древнего тамильского языка (что дополняется также и весьма слабой выраженностью в литературе диалектальных различий языка).

С точки зрения исторической встречающиеся в этих произведениях факты древнеиндийской истории или намеки на них (например, сведения о цейлонских царях начала нашей эры,

Маурьях, Нандах)⁴, по всей вероятности, являются реминисценциями далекого прошлого, скорее всего связанными с санскритской или пракритской литературой. Большинство произведений древней тамильской литературы вполне осознавалось их авторами и слушателями как плод литературного творчества. У нас пока нет никакого материала о бесписьменной стадии этой литературы, литературы, которая, разумеется, не могла возникнуть «внезапно». Мы пока не имеем даже следов того, что было создано в южнодравидийской (индийской) общности (если таковая существовала), не говоря уже о совсем гипотетической дравидийской. Немногие достоверные археологические связи (например, раскопки в Арикамеду и Брахмагири) оставляют нас в том же периоде времени и в том же сравнительно узком географическом районе южного Декана. Гипотеза о дравидийском этносе культуры Мохенджо-Даро и Хараппы⁵, так же как и гипотеза о дравидийском языке печатей Мохенджо-Даро, попытки связать мегалитическую культуру юга (датированную серединой I тысячелетия до н. э.) с дравидами — все это по существу ничего не дает для истории конкретной тамильской культуры и литературы начала I тысячелетия н. э. Древняя тамильская литература не приобретет своей истории, пока не будут найдены или реконструированы древнейшие тамильские культурные источники до литературного периода, отсутствие которых в равной степени невозможно объяснить как с точки зрения теории аборигенности дравидов, так и в свете гипотезы о приходе их в Декан в первой половине I тысячелетия до н. э.

Некоторые, главным образом тамильские, ученые в своих сопоставлениях стремятся связать религию и культуру древних тамилов с религией и культурой Крита, Египта и Нубии. На основе этих сопоставлений делается предположение о существовании «дравидийско-средиземноморской культурной зоны». Действительно, можно найти ряд образов и представлений древних тамилов, по своему характеру и даже семантически очень сходных с соответствующими образами древнеегипетской и нубийской религий. Однако трудно себе представить как то, что,

⁴ Мауры — династия, впервые объединившая в одно государство значительную часть Индостана. Возникла в VI в. до н. э. Первоначальной территорией, подвластной этой династии, было царство Магадха, расположеннное в Северо-Восточной Индии, на среднем течении реки Ганга.

Нанда — другая магадхская династия, правившая в середине прошлого тысячелетия в городе Паталипутре.

⁵ Мохеджо-Даро и Хараппа — места археологических раскопок древнейших поселений долины Инда. Эти раскопки, которые велись с 20-х годов нашего столетия Маршаллом, Маккеем и Рай Бахадур Рам Сахни, открыли существование исключительно самобытной материальной культуры, относящейся к III—II тысячелетиям до н. э. и в ряде моментов весьма сходной с культурой древнейшего Двуречья.

возникнув из одного источника, культуры средиземноморцев и дравидов в течение по крайней мере тысячелетия (ибо столь большее пространственное расхождение требует значительного срока) развивались одинаково, так и то, что один культ, произойдя от другого, за тот же срок не изменился на совершенно иной социальной и культурной почве.

0.4. Таким образом, древняя тамильская литература как часть древней тамильской культуры представляется сейчас исследователю весьма компактной во времени, очень ограниченной пространственно и относительно однородной идеино. Последнее обстоятельство, впрочем, может быть, само косвенно указывает на периферийность области распространения древней тамильской культуры по отношению к какой-то исходной культурной области, гораздо более разнородной и широкой; эта область, по мнению некоторых исследователей, могла бы лежать между прародиной индоевропейцев и прародиной урало-алтайцев.

0.5. В какой-то степени можно говорить о «сфере санскрита» и «сфере тамильского» в религии и философии Южной Индии. Так, несомненно, что древнейшие, связанные с религией представления и идеи отражались в литературе на тамильском языке. Джайнский период отразился и в санскритской и в тамильской литературе юга. Литература шивавитского и вишнуитского *бхакти* была чисто тамильской. Веданта, созданная преимущественно южными авторами, имела своим специальным языком санскрит, и, наконец, *шайва-сиддханта* представлена литературой на тамильском языке. Но при более глубоком рассмотрении станет ясно, что в древности и средневековье это языковое разделение носило в основном пространственный характер, т. е. в течение весьма длительного срока, санскрит и тамильский сосуществовали, специализируясь в той или иной сфере мировоззрения. Говоря иными словами, хотя мы и знаем, что тамильский и санскрит могли преобладать в одних и тех же областях в различные периоды времени, но у нас есть значительно больше данных о том, что в одно и то же время и даже иногда одни и те же люди писали и на тамильском и на санскрите в зависимости от характера, предмета и цели произведения.

0.6. Реальная история дравидийского юга начинается для нас лишь с первых веков новой эры. Известно, что тамильские портовые города вели оживленнейшую морскую торговлю как с Цейлоном, островами Зондского архипелага и Китаем, так и с Аравией и греко-римским миром Средиземноморья. Из страны тамилов вывозились ценные сорта древесины, слоновая кость, благовония, ароматические масла, перья павлинов и других экзотических птиц. Предметом ввоза служили, очевидно, арабские кони, оружие, посуда, драгоценные металлы и ткани. Сей-

Час установлено, что в начале нашей эры на восточном (Кармандельском) побережье существовала римская торговая колония. Несколько позднее на западном (Малабарском) побережье были основаны первые поселения армян, евреев и сирийских христиан⁶. Сведения об общественном строе древних тамилов крайне скучны. Очевидно, у них существовал тот неразвитый феодализм, который характерен для общества, еще не изжившего свою родоплеменную организацию и не прошедшего стадии рабовладения в сколько-нибудь развитой форме. Первые тамильские государственные образования, возникшие к началу нашей эры, включали в себя и развитые торгово-ремесленные центры, такие, как Мадура, Пухар (Кавэрипумпаттинам), Канджи и Ваньджи, и многочисленные деревенские общины, причем общинная структура здесь дополнялась исключительно сложной структурой деления древнеиндийского общества на варны⁷ и касты⁸. В городах же особо существовали еще и ремесленные цехи⁹.

Но, кроме того, древние государства юга включали в себя и множество племен, оседлых и кочевых, находившихся на стадии первобытно-родового строя¹⁰, с которых дань, обычно натуральную, взимали цари, совершившие вместе с дружиной объезд своих владений¹¹.

Среди древних тамильских государств крупнейшими были царства Чера, Пандия и Чола, названные так по имени царствовавших там династий¹². Цари из этих династий постоянно враждовали друг с другом, совершали многочисленные набеги не только на соседние земли, но, если верить данным тамильских эпических поэм, и далеко на север, к Гангу и даже Гималаям. Есть основания предполагать, что Чера была древнейшим из этих царств. Она обнимала территорию нынешнего штата

⁶ По преданию, первая христианская колония на Малабарском берегу была основана в начале нашей эры апостолом Фомой. Эти христиане принадлежали к несторианскому толку.

⁷ Варна — самое широкое социальное подразделение древнеиндийского общества. Существовали четыре варны: брахманы (жрецы, священнослужители), кшатрии (воины, знать), вайши (земледельцы, ремесленники и торговцы) и шудры (лица, обслуживающие три первые варны, слуги). Очевидно, варны (букв. «цветы») были у древних арийцев еще до их прихода в Индию.

⁸ Каста (на санскрите джати — «род») — замкнутая, часто эндогамная социальная группа с одной или несколькими наследуемыми профессиями. В средневековой Индии существовало более тысячи каст.

⁹ Об одном из таких цехов говорится, в частности, в древней тамильской эпической поэме *Шилаппадигарам* (см. ниже, гл. II).

¹⁰ Среди этих племен можно назвать такие, как тодда, нага и др.

¹¹ О таком сборе даны с охотничьих горных племен рассказывается в конце тамильской эпической поэмы *Шилаппадигарам* (см. ниже, гл. II).

¹² В дальнейшем, когда будет говориться о царях этих династий, они будут называться соответственно Черан, Пандиян (или Пандий) и Чолан согласно тамильскому написанию.

Керала и юго-западную часть нынешнего штата Тамилнад. Столицей Черы был город Ваньджи (теперь Карур в округе Тричинополи штата Тамилнад). Царство Пандия занимало южную часть штата Тамилнад; его столицей была Мадура; государство Чола было расположено в центральной и северной частях штата Тамилнад; столицей царства был крупнейший портовый город южной Индии — Кавэрипумпаттинам, лежавший в устье Кавэри, а затем Урейур (вблизи нынешнего города Тричинополи). Почти все события, о которых говорится в древней тамильской литературе, произошли в пределах этих трех царств. Однако в стране тамилов были и более мелкие царства, обычно находившиеся в зависимости от одного из этих трех. Среди них в первую очередь следует назвать Конгу и Тондей.

0.7. Первые сведения о тамильской литературе связаны с знаменитой тамильской *сангой*¹³. *Санга* — это общество, включающее в себя лучших поэтов страны тамилов, тех, чьи стихи получили признание знатоков. Но вместе с тем *санга* — это и ученое общество, в которое входят и лучшие знатоки поэзии, грамматики, стилисты. *Санга* дает высшую оценку, одобрение поэме и принимает ее автора в качестве нового члена; это своего рода академия, вырабатывающая критерии и создающая эталоны прекрасного в поэзии, анализирующая поэтические произведения, квалифицирующая их, исходя из выработанных критериев и из сравнения со стихами, уже ставшими классическими образцами. В средневековых тамильских комментариях и поэтических трактатах рассказывается о том, что всего существовало три *санги*: ранняя, или первая (*мудал*), средняя (*идай*) и поздняя (*кадай*)¹⁴. И время и место первой *санги* и связанные с ней лица представляются полностью фантастическими. По преданию, она возникла на мифическом «Южном материке» в древнейший период тамильской истории, называемый *ужи*, — около десяти тысяч лет назад. Ее членами были и люди и боги, и закончила она свое существование, когда «Южный материк»¹⁵ и его столица «Южная Мадура» были затоплены волнами океана. Средняя *санга*, согласно тому же преданию, была воссоздана несколько тысячелетий назад в городе Кападапураме (древнейшей столице Пандиев, которую до сих пор не удалось отождествить с каким-либо реальным географическим пунктом);

¹³ Тамильское слово *санга* происходит от санскритского *сангха*, означающего «собрание», «община».

¹⁴ Основные сведения о трех сангах содержатся в трактате о любовной поэзии *Aхалпорул*, написанном Ирайянаром (XII в.), в комментариях Адийяркуналлара на эпическую поэму *Шиллападигарам* и в «Истории Йдайянара», которую написал Конгувель (X. в.). См. R. Pillai, *A Primer*; и. вѣ. *cāmīnātaiyag*, *caṅkattamīlum*, *pirṅkālaitamīlum*, сеппай, 1934; V. Pillai, *History*. Сведения о сангах и о древнем тамильском кастовом устройстве приведены в книге: I. Olivier, *Anthropologie des Tamouls*, Paris, 1961.

¹⁵ Одно из названий этого мифического материка — Лемурия.

в нее входили три тысячи семьсот человек; из них некоторых можно отождествить с реальными лицами — поэтами, грамматиками, мудрецами, жившими, конечно, в гораздо более позднюю эпоху. Так, например, если автор самой ранней тамильской грамматики Агаттиян — лицо, по-видимому, совершенно мифическое, то другой член средней *санги*, Тальхаппиянár, действительно являлся автором грамматического трактата, часть которого дошла до наших дней. Третью же, или позднюю, *сангу*, процветавшую в Мадуре в III—IV вв. н. э., можно считать вполне реальной; до наших дней дошли не только имена царей, правивших в те далекие времена, и поэтов, входивших в *сангу*, но и стихи этих поэтов, которые несколько позднее были систематизированы и объединены в два комплекса — «Восемь антологий» (*eṭṭuttokai*) и «Десять лирических поэм» (*pattupāṭṭu*). В этих стихах воспевались любовь, природа, боевая доблесть воинов, щедрость и гостеприимство тамильских царей, покровительствовавших поэтам, красота и богатство древних городов страны тамилов. Религиозные представления и мистические настроения в этих стихах занимали весьма небольшое место. Из всей древней и средневековой тамильской литературы они, пожалуй, в наибольшей степени были свободны от тем, образов, сюжетов и форм санскритской литературы¹⁶. Представляется вполне вероятным, что стихи антологий были созданы в III и IV вв. н. э. Поэмы, возможно, относятся к IV—V вв. н. э. Объединение стихов в антологию (*tokai*) произошло лишь в IV и V вв. н. э. Названия антологий говорят о количестве стихов (*pattiggruppattu* — «Десять десятков»), либо о божестве, к которому обращены хвалебные стихи (*kalittokai* — «Сборник Кали»), либо указывают на характер темы (*akapāṭīgi* — «400 стихов о любви»). Ранние комментарии на антологии и поэмы были написаны в X—XII вв. н. э. Представления средневековых тамильских комментаторов о начальном периоде тамильской литературы содержат два типичнейших момента — иновременность и инопространственность. Начало литературы помещалось на южный, исчезнувший материк и в незапамятные времена «первой тамильской *санги*». Зачинателем же более поздней тамильской образованности провозглашался пришедший из северной, арийской Индии мифический риши Агаттиян (на санскрите Агастья), вишнуитский брахман, якобы обосновавшийся на мысе Коморин¹⁷.

¹⁶ То же можно сказать и о языке стихов эпохи *санги*, который содержит гораздо меньше санскритизмов, чем язык тамильской литературы более позднего времени.

¹⁷ Само имя Агастья принадлежит известному ведийскому риши. Возможно, этим именем позднее был назван неизвестный легендарный составитель первой санскритской грамматики. В то же время представляет интерес и тот факт, что Агастья почитался как бог именно в местах раннего расселения тамильских эмигрантов на Цейлоне и Яве (см. S. J. Gunasegaram, *The history*

Очевидно, мы можем считать стихи третьей *санги* началом древнетамильской литературы, хотя у нас нет рукописей этого периода, а эпиграфические данные III—V вв. н. э. настолько сомнительны (с точки зрения их графической и лингвистической принадлежности), что очень трудно синхронизировать их с блестящей поэзией антологий и лирических поэм периода третьей *санги*. Тогда остается предположить, что существовала, как и в ведийской литературе, устная традиция, которая от поколения к поколению донесла произведения древней поэзии до периода, когда письменность стала настолько развитой, что в «поле» ее могла оказаться литература (поскольку, очевидно, прежде всего в «поле» письменности оказываются не литературные тексты, а, например, эдикты, дарственные надписи и т. д.).

0.8. В стихах антологий и поэм мы находим ряд специальных терминов, указывающих не только на развитие разновидностей литературы в зависимости от ее содержания, но и на осознание этих разновидностей как эстетических категорий. Приведем некоторые из них:

ப்ரதி! — «тема», «содержание», «объект», «разновидность темы»;

ாகம — «личное», «интимное», «тема любви»;

ரிகாம் — «внешнее», «гражданское», «тема мужества»;

தினாி — «разновидность, род», «разновидность описываемой в стихах любви» (в зависимости от ландшафта, на фоне которого развертывается любовное действие);

அங்கிராஷை — название сюжета: один поэт направляет другого к властителю (или богу), оказавшему ему поддержку, осыпавшему его милостями.

0.9. В прил. I приводится стих из *Пуранануру* (*ரிகாபாட்டிழி* «400 стихов на тему *ரிகாம்*»), которая является, возможно, одной из поздних антологий; текст ее содержит ряд пропусков и искажений. Приводимый стих выражает концепцию индийского аскетизма, в основе которой лежит разрушение внутренней эмоциональной связи с внешними объектами, в том числе и с другими людьми. Стих противопоставляет духовную свободу мудрецов-аскетов всякого рода социальным, племенным и религиозным ограничениям.

1.0. Всю тамильскую средневековую религиозную и философскую литературу с точки зрения идейного содержания можно разделить на три части, которые лишь весьма условно и частично соотносятся с периодами. Это: а) джайнская и буддийская этическая литература VI—IX вв. н. э., наиболее яркими образцами которой как в отношении содержания, так и в

city of Agathiar, — «Tamil culture», vol. VII, 1958, № 1, pp. 48—55). Его статья в Канди Банон на Яве относится к VIII в. н. э. (см. Ananda K. Coomaraswamy, *Geschichte der indischen und indonesischen Kunst*, Leipzig, 1927, S. 232, CXVIII).